

УДК 11:82
ББК 87.3(2) 522/63

СУДЬБА СОЛОВЬЕВСКОЙ МЕТАФОРЫ «ДЫРЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ А.Ф. ЛОСЕВА¹

Е.А. ТАХО-ГОДИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1-й учебный корпус, г. Москва, 119991, Российская Федерация
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
ул. Поварская, 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация
Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»,
ул. Арбат, д. 33, г. Москва, 119002, Российская Федерация
E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Сложная междисциплинарная проблема взаимодействия двух важнейших составляющих русской культуры – философии и литературы – раскрывается на конкретном примере обращения А.Ф. Лосева, казалось бы, к «проходному» образу «дыры», возникающему в Предисловии к «Трем разговорам о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Вл. Соловьева. Показано, что соловьевскую метафору «дыры», которой поклоняются «дыромоляи», А.Ф. Лосев превращает в символ мира, обезбоженного и опустошенного позитивистским мироощущением. Делается вывод о том, что соловьевская метафора из «Трех диалогов» позволяет А.Ф. Лосеву нагляднее передать диалектику абсолютного бытия («голубого неба» небесной родины) и небытия, («пустоты материалистов»), порождающую ужасы и кошмары «дурной бесконечности» относительной мифологии. Подчеркивается, что А.Ф. Лосев использует этот образ не только в философских текстах («Диалектика мифа», «Нео-платонизм ясный как солнце», «Самое само» и др.), но и в своей художественной прозе, в том числе в текстах разных жанров, создававшихся в 1970–1980-е годы (автоинтервью «Невесомость», диалоги «Беседы с Чаликовым»).

Ключевые слова: взаимодействие философии и литературы, «Три разговора» Вл. Соловьева, философская проза А.Ф. Лосева, образ дыры/дыромоляев, реализация метафоры, «пустота материалистов»

FATE OF VL. SOLOVYOV'S METAPHORICAL IMAGE OF THE «HOLE» IN A. F. LOSEV'S OEUVRE

E.A. TAKHO-GODI

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie gory, 1st academic building, Moscow, 119991, Russian Federation
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a, Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation
Library of History of Russian Philosophy and Culture «A. F. Losev House»
33, Arbat Str., Moscow, 119002, Russian Federation
E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

The complex interdisciplinary problem of interaction between the two most important parts of Russian culture – philosophy and literature – is examined in the article through a specific example of A.F. Losev's attention paid to the seemingly unimportant image of the «hole» («дыра») appearing in the Introduction to Vladimir Solovyov's «Three dialogues on war, progress and end of the world history». As shown in the article, Solovyov's metaphor of the «hole», which is worshiped by «holeprayers» («дыромольяи»), is turned by A. F. Losev into a symbol of the world, made godless and devastated by the positivist worldview. It is concluded that Solovyov's metaphor from «Three dialogues» allows A.F. Losev to convey more clearly the dialectics of the absolute being («blue sky» of the heavenly homeland) and not-being («the emptiness of the materialists») that gives rise to horrors and nightmares of «bad infinity» of the relative mythology. It is emphasized that at the same time A. F. Losev uses this image not only in philosophical texts («The Dialectics of Myth», «Neo-Platonism clear as the sun», «The thing itself», etc.), but also in his prose fiction, including the texts created in the 1970-1980-s in different genres (self-interview «Weightlessness», dialogues «Conversations with Chalikov»).

Key words: interaction of philosophy and literature, Vl. Solovyov's «Three Dialogues», A.F. Losev's philosophical prose, image of the «hole» / «holeprayers» (dyromolyai), realization of metaphor, «emptiness of materialists».

В настоящей небольшой статье мы хотели бы развить тему, уже затронутую нами ранее в публикации «О литературно-философском осмыслении одного метафорического образа Вл. Соловьёва»². В ней речь шла о том, как в первой четверти XX столетия обрел вторую жизнь образ, казалось бы, маргинальный в соловьёвской системе, именуемый художественный, а не философско-терминологический характер, – образ «дыры», которой молятся «дыромольяи», появившийся сначала в фельетоне Вл. Соловьёва «О поддельном добре» (газета «Россия», 1900 г., 13 мая), а затем в переработанном виде в Предисловии к книге Вл. Соловьёва «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900)³.

Соловьёвское сравнение лишённого мистической глубины учения Л.Н. Толстого с поклонением дыре дыромольяев, конечно, не осталось незамеченным и вызвало споры. На резкую публичную отповедь В.В. Розанова «Что приснилось философу?»⁴, Д.С. Мережковский тут же отреагировал в письме от 8 июня 1900 г. «Ваша статья о Влад. Соловьёве по поводу “дыромольяев” мне не понравилась, – писал он. – <...> И “Лев” и – “овцы” – действительно “дыромольяи”. Почему же этого нельзя сказать?» [4, с. 237]. Метафорически переданное Соловьёвым противостояние религиозного и позитивистского начал воспринималось в начале XX столетия как одно из предвестий грядущих мировых катастроф, что позволило прочно укорениться соловьёвскому образу «дыры» («дыромольяев») в сознании авторов первой трети XX века, в том числе и в сознании одного из духовных наследников Вл. Соловьёва – А.Ф. Лосева, у которого «об-

² Тахо-Годи Е.А. О литературно-философском осмыслении одного метафорического образа Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2017. № 4 (56). С. 26–41 [1].

³ См.: Соловьёв Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 10. СПб.: Просвещение, 1914. С. 84 [2].

⁴ См.: Розанов В.В. Что приснилось философу? // Новое время. 1900. № 8698, 16 мая. С. 2 [3].

раз *поклонения дыре* служил для изобличения бездуховного “голового” эмпиризма»⁵.

Именно в этих целях А.Ф. Лосев вводит образ «дыры» («дыромоляев») в «Диалектике мифа» (1930 г.), причем соловьевская метафора у него превращается в полноценный символ рационалистически обезбоженного мира, опустошенной материи. Этой относительной мифологии, базирующейся на ньютоновской механике, прославляющей черную пустоту неосвященного божественным присутствием космоса, превращающей вселенную в однородное и бесконечное пространство, в «безумное марево», в «ту самую дыру, которую ведь тоже можно любить и почитать»⁶, А.Ф. Лосев противопоставляет абсолютную мифологию голубого неба, рая, Софии Премудрости Божией и в «Диалектике мифа»⁷, и позднее в 1932–1933 годах, в письмах к жене из Беломорско-Балтийского лагеря⁸. Как ни парадоксально, но при этом в «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев неожиданно совмещает соловьевскую антитезу – поклонение пустоте, «дыре», и поклонение истинной любви, «небу» и «Софии», – с цитированием соловьевского антагониста В.В. Розанова⁹. Лосев считает целесообразным ввести в свой текст пространную цитату из розановского «Апокалипсиса нашего времени» (Вып. № 3, гл. «Солнце») с его юродствующим «тьфу» по поводу «глупого ответа Коперника на нравственный вопрос о планете и солнце», с которого, по мнению Розанова, «началась пошлость планеты и опустошение Небес»¹⁰ [7, с. 166]. «Эхо» этого розановского «плевок» ощущается и в лосевском пассаже о Софии: «А я, по грехам своим, никак не могу взять в толк: как это земля может двигаться? Учебники читал, когда-то хотел сам быть астрономом, даже женился на астрономке. Но вот до сих пор никак не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет. <...> То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, “яже не подвигнется”... А то вдруг ничего нет, ни земли, ни неба, ни “яже не подвигнется”. Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще и матерщину вслед пустили. “Вот-де твоя родина, – *наплевать и размазать!*”» [7, с. 45]¹¹. Борясь с позитивистским мироощущением, А.Ф. Лосев готов взять во временные союзники и В.В. Розанова, хотя на протяжении всей «Диалектики мифа» так или иначе полемизирует с ним, особенно с его «мистикой пола», которая не приемлема для него как приверженца соловьевской философии любви. Недаром в конце жизни в книге «Владимир

⁵ См.: Троицкий В.П. Примечания // Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. С. 512 [5]; подробнее об этом: Тахо-Годи Е.А. Традиции «Трех разговоров» Вл. Соловьева в прозе А.Ф. Лосева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 214–220 [6].

⁶ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. С. 45 [7].

⁷ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». С. 45.

⁸ См.: Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки»: Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. С. 30 [8].

⁹ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». С. 166.

¹⁰ Там же.

¹¹ Курсив наш. – Е. Т.-Г.

Соловьев и его время» он будет говорить о «розановском разврате мысли», с которым всегда боролся Вл. Соловьев, прекрасно понимавший, что «розановщина стала уже мощным духом современности, заслуживающим самого серьезного внимания»¹².

Опровергая другого критика Вл. Соловьева, М.М. Тареева, находившего во всей соловьевской логике только одну пустоту, А.Ф. Лосев цитирует пассаж из работы М.М. Тареева, где вольно или невольно Соловьев подан сам как некий «дыромоляй», в чьей «религиозно-философской системе, мы найдем ... на месте Евангелия нагло сверкающую дыру, отвратительную пустоту», в текстах которого о христианстве нет «тайны исторического Христа», а лишь виртуозная игра словами «Логос», «Богочеловек», «София», когда «Логос–Богочеловек» оказывается «отвлеченным понятием, а не предметом живого созерцания»¹³. Для А.Ф. Лосева, напротив, очевидно, что соловьевские «Три разговора» – это «преодоление всякого рационализма», что эта соловьевская критика рационализма и эмпиризма есть в то же время и его гносеология, что «критика всякого пустого, и в том числе бытового христианского мировоззрения», была у Вл. Соловьева связана с самым «напряженным вниманием к философским проблемам знания и религии»¹⁴. «Понимать материю как пустой механизм означает, с точки зрения Вл. Соловьева, унижать материю и оскорблять ее достоинство»¹⁵, – писал А.Ф. Лосев, сам всегда отстаивавший «эстетику религиозного материализма»¹⁶ [10, с. 300].

Надо сказать, что соловьевское метафорическое переосмысление образа дыры, впервые подхваченное в «Диалектики мифа», будет присутствовать в лосевском наследии на протяжении многих лет, вплоть до 1980-х годов, и не только в его поздней книге о Вл. Соловьеве.

В написанной в середине 1930-х годов, вскоре после освобождения из лагеря, «Истории эстетики», во фрагменте «Нео-платонизм ясный как солнце», говоря о позитивисте, знающем только «факты» и «причины», А.Ф. Лосев, развивая тему опустошенного и обезбоженного рационализмом и позитивизмом мира, иронично замечает: «<...> небо, напр., простите меня, с точки зрения не только позитивиста, но и вообще всей нашей науки, совсем не факт. Какой же это факт? Даже такого и термина нет в астрономии. Небо – это пустое вместилище для светил, ящик какой-то или мешок, погреб, что ли, яма, дыра эдакая темная и бесконечная. Чего же тут прекрасного? Представьте себе, так скорее плакать хочется, а не радоваться» [11, с. 578]. Мыслитель готов отмежеваться и от науки, и от философии, если они позитивистски настроены, лишь бы сохранить верность той подлинной диалектике, которая одновременно есть и «ритм

¹² См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 420 [9].

¹³ Там же. С. 376.

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Там же. 2009. С. 514.

¹⁶ См.: Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 300 [10].

самой действительности»¹⁷ и «глаза, которыми философ может видеть жизнь»¹⁸. Вот почему он провокационно объявляет: «Значит, если я сейчас все-речь сижу в саду, под яблоней и под небом, то это только потому, что я, слава Богу, не физик и не астроном, да, пожалуй, и не философ, если под философией понимать систему категорий. Небо для меня просто небо, и больше ничего, вот именно такое синее-синее, глубокое-глубокое, родное-родное. Тут, брат, уже не астрономия и не философия»¹⁹.

Объясняя через реально-видимое сложнейшие неоплатонические категории, в том числе тезис «Единое раскрывает себя в Уме, в самосознающей идее»²⁰, он вновь сравнивает «нигилистическое ничто», «тюрьму солипсизма» со страшной «черной дырой»: «Попробуйте предложить тезис, что бытие не есть эйдос, – тогда, чтобы найти сущность данной вещи, придется ее собирать из отдельных частей, а чтобы найти каждую такую часть, придется собирать ее еще из более мелких частей и т.д., покамест не уйдете в черную дыру абсолютно-неразличимой бесконечности, а все ваше бытие рассыплется в нигилистическое ничто. Попробуйте утверждать, что эйдос не содержит в себе и адекватного себе сознания, – это значит, что все ваши высказывания и утверждения не имеют никакого объективного значения, и вы удалитесь в тюрьму солипсизма, отмахнувшись от всякой живой действительности» [11, с. 590]. Образ «черной дыры», вызывающий у современного читателя ассоциации с астрономическим термином *black hole*, закрепленным в науке американским физиком-теоретиком Джоном Арчибальдом Уилером значительно позднее, в 1960-е годы, как представляется, восходит всё к тому же источнику – Вл. Соловьеву. Недаром в 1980-е годы в книге «Владимир Соловьев и его время» А.Ф. Лосев выделяет специальный параграф «Вл. Соловьев и неоплатонизм» и приходит к выводу, что соловьевское учение о положительном «ничто» в «Философских началах цельного знания» (1877 г.) «есть не больше и не меньше как неоплатоническое учение о первоедином»²¹. А.Ф. Лосев уверен, что «здесь у Вл. Соловьева был чистейший неоплатонизм и в то же время полная независимость от изучения каких-нибудь неоплатонических источников», что Вл. Соловьев не заимствует «это учение о первоедином в его источниках, античных или немецких», а «оперирует этой концепцией так ясно и просто, как будто бы это было простым правилом логики или грамматики»²². С лосевской точки зрения, «оригинальность» неоплатоников заключается именно в том, что «они захотели в филосо-

¹⁷ См.: Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 617 [12].

¹⁸ Там же. С. 625.

¹⁹ См.: Лосев А.Ф. История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце» // Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. М.: Мысль, 2002. С. 573–600.

²⁰ Там же. С. 589.

²¹ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 151.

²² Там же. С. 151.

фии отобразить живую, а не изнасилованную и мертвую действительность»²³. Неоплатонизм у раннего Вл. Соловьева, по А.Ф. Лосеву, «вовсе не вычитан им из какого-нибудь Плотина, Прокла или Дионисия Ареопагита, а представляет собою самостоятельное и свободное достижение остро мыслящего ума талантливого философа», стремящегося осмыслить и отобразить именно живую действительность, для которого учение о «положительном ничто», категории апофатизма и катафатизма являются настолько самоочевидными, «ясными и простыми, что, собственно говоря, ему и доказывать тут нечего»²⁴.

В работе «Самое само», хронологически близкой к фрагменту «Неоплатонизм ясный как солнце», А.Ф. Лосев, говоря о категории различия и сфере смысла, вернется к образу «дыры» как символу всего материального, чтобы явственнее подчеркнуть невещественность смысловой сферы: «... к смыслу не приложимы никакие определения времени и пространства. Другими словами, смысл существует так, что он не проявляет себя сейчас одним образом, а потом – другим, и не так, что сейчас он есть, а потом его нет, и не так, что тут у него оказалась дыра или прорыв, а там эти дыры заштопались. Все эти характеристики взяты из вещественного, пространственно-временного мира, и они не имеют никакого применения к сфере смысловой. <...>. Сфера смысла – совершенно невещественна; и смысл действует сразу целиком, весь и полностью в одно мгновение» [13, с. 402–403].

Образ «дыры» возникает и у позднего А.Ф. Лосева в его рассказе «Невесомость», написанном в 1970-е годы в жанре интервью-мистификации. В нем автор представляется вымышленному наивному корреспонденту космонавтом, живущим в невесомости. То, что в переводе с лосевского «эзопова языка» речь идет о мыслителе, живущем в мире идей – невидимом, но вечном и неуничтожимом, подтверждает лосевская реплика в разговоре с В.В. Библихиным 18 октября 1970 г.: «Когда человек молится, он становится легким, и когда он погружен в созерцание, он становится невесомым. В одном монастыре был старец, про которого рассказывали, что он поднимался на воздух. Молодые монахи подглядывали в щелочку и видели, что он иногда поднимается несколько над своей постелью, когда лежит на ней, повисит – и опять опускается. Объясняли это тем, что в молитвенном состоянии его тело становилось невесомым. Ведь даже в физике известно, что тело, которое движется со скоростью света, не имеет объема» [14, с. 30–31]. Рассказывая о тех задачах, которые он решал в книге «Античный космос и современная наука», А.Ф. Лосев в «Невесомости» вновь использует образ «дыры» вместо неба в том же ассоциативном ряду, в «Диалектике мифа» в связи с Ньютоном и В.В. Розановым: «Я доказывал, что античная философия есть, попросту говоря, тогдашняя астрономия, конечно, с философской разработкой выступающих здесь категорий. А астрономия – по-

²³ См.: Лосев А.Ф. История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце» // Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. С. 590.

²⁴ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 152.

тому, что наиболее истинным, и материальным, и идеальным, наиболее вечным и правильно сформированным бытием считался, попросту, самый обыкновенный космос. Но это не тот страшный и неохватный ньютоновский космос, который больше является пустотой, чем оформленным веществом, а космос видимый, слышимый, осязаемый и обоняемый. Словом, тот небесно-голубой купол, который мы и сейчас реально видим, хотя и уверяем себя, что это не небо, а просто бесконечная дыра» [15, т. 2, с. 563].

В самой книге «Античный космос и современная наука» (1927 г.) образа «дыры» нет, зато есть сходный с ним образ «пустоты»²⁵. При этом, как подчеркивает А.Ф. Лосев, античным представлениям о космосе чуждо представление об «абсолютной пустоте»²⁶, античность не знает «пустоту материалистов»²⁷. Так, пустота у пифогорейцев в какой-то мере близка к меону²⁸. Вот почему, обращаясь к античности, имеет смысл вести речь «о разной интенсивности *пространства как такового*»²⁹. О том же будет говорить А.Ф. Лосев и в 1980-е годы, занимаясь историей античной эстетики и демонстрируя, что когда античные атомисты учили «об атоме и окружающей его пустоте», в этом явственно была диалектическая интуиция, ибо, согласно атомистам, атом «есть бытие, а пустота – небытие», однако «небытие атомистов – это не ничто, равное нулю»³⁰. Давая эстетическую интерпретацию учения атомистов о пустоте, А.Ф. Лосев подчеркивал «чрезвычайно напряженное участие пустоты в образовании всякого эстетического предмета», когда «светлый и яркий атом мыслился на темном фоне окружающей пустоты»: «Ведь пустота – это есть тот *фон*, на котором проявляет себя всякий эстетический и художественный предмет. Атомисты с большим пафосом трактовали эту пустоту, этот фон, причем пафос этот постоянно подогревался необычайной чуткостью и чеканом фиксируемого у них бытия, настолько совершенным и ярким чеканом, что он доходил у них до геометрической концепции каждого атома» [18, с. 77]. Причем «если диалектика свободы и необходимости приводила атомистов в эстетике к хореографическому пониманию всех движений в мире, то диалектика хаоса и космоса превращала эту мировую хореографию в математически точное проявление и оформление мирового хаоса во всем космосе и в отдельных составляющих его областях действительности» [18, с. 81].

Если же мы обратимся к лосевской философско-музыкальной прозе 1930–1940-х годов, то в ней мотив «пустоты» явно связан не с ее античной ин-

²⁵ О «пустоте» в русской культуре см.: Копировский А.М. «По губам меня помажет пустота»: Образ пустоты в изобразительном искусстве и поэзии // Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива. М.: Три квадрата, 2017. С. 426–438 [16].

²⁶ См.: Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 244 [17].

²⁷ Там же. С. 582.

²⁸ Там же. С. 91.

²⁹ Там же. С. 199.

³⁰ См.: Лосев А.Ф. От Гомера до Прокла: История античной эстетики в кратком изложении. СПб.: Азбука, 2016. С. 76 [18].

терпретацией, а именно с тем, что автор «Античного космоса и современной науки» именовал «пустотой материалистов». Отсюда «черная пустота неба» (рассказ «Мне было 19 лет...»), «духовная ограниченность и какая-то обворованность, пустота и скука» (рассказ «Театрал»), превращения субъектом «мироздания в пустой темный мертвый механизм», в «пустой мир» (повесть «Трио Чайковского»), ощущение, «что в мире – только одна пустота и холод, и лишь кое-где мерцают отдельные заброшенные точки, по одной на миллиарды километров» (повесть «Метеор»). С этой «пустотой и непросветленностью обыденно человеческого сознания» и борется «изливающаяся из недр мировой жизни смысловая энергия» (повесть «Трио Чайковского»).

Об этом «ужасе перед бесконечным пространством», об этой пугающей «дурной бесконечности», ничего не дающей, «кроме головокружения, бессилия и скуки», А.Ф. Лосев будет писать в 1970-е годы в «Эстетике Возрождения», говоря о явлении после Коперника новой «картины мира, в которой человек должен был превратиться в ничтожество и только бесконечно раздувался его рассудок»³¹. Причем эта «коперниканская Вселенная» породила свою новую эстетику: «Сколько угодно находилось и больших и малых умов, и больших и малых философов, а также и больших и малых поэтов, которые восторгались этой бесконечной Вселенной, испытывали сладкое чувство и трепет перед этими безумными пустотами бесконечного мира и перед величием человека, создавшего науку об этих пространственно-временных расстояниях. Находились даже и богословы, которые доказывали всемогущество и величие божие именно в силу наличия этих бесконечных пустот, безумных и ни с чем не сравнимых расстояний и этого холода в 273° ниже нуля по Цельсию» [19, с. 493].

Те же темы – субъективизм, солипсизм, дурная бесконечность – обсуждаются и в написанных в начале 1980-х годов лосевских диалогах с Чаликовым. Этому смышленому, но недалекому студенту его собеседник и наставник, объясняя вред субъективизма, говорит, что «если наши мыслительные формы не внедрены в нас самой же действительностью, то это значит, что в самой действительности не имеется единой нераздельной целостности отношений, что вся действительность – это только наше марево и галлюцинация, что она есть пустота и дыра»³². Тут, как видим, с полной определенностью выявляется синонимичность для лосевского сознания этих двух образов – «пустоты» и «дыры».

В «Беседах с Чаликовым» происходит следующий знаменательный диалог, когда шаг за шагом наставник приводит своего наивного слушателя к определению «идеи» (а вместе с тем и Бога) как такой «вещи, которая для своего движения уже не требует никаких других вещей, а движется сама от себя и сама для себя является причиной своего движения. Позволим себе привести довольно пространную цитату:

³¹ См.: Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Академический проект, 2017. С. 495 [19].

³² См.: Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...» Т. 1, 2. М.: Время, 2002. Т.2. С. 590.

«Все конечное только потому и существует, что оно пронизано бесконечностью.

– Да, мы касались этого вопроса в прошлый раз, – глубоко вздохнул Чаликов. – Но тогда нужно идти еще дальше. Если бесконечность, данную в виде единой цельности, приписывать не действительности, а только человеческому мышлению, тогда действительность, лишенная такой структурной бесконечности, окажется даже и не дырой, а какой-то дырочкой. И это тем более дико, что действительность не только есть единая цельность, но она еще ведь также существует во времени, она же еще и развивается, она ведь живая, и она тоже ведь движется.

– Конечно, и о дырочке ты заговорил правильно, и о необходимости объяснять движение действительности ты тоже заговорил правильно и вовремя. Скажи мне: если вещь движется, то не потому ли, что имеется причина ее движения, то есть какая-нибудь другая вещь, которая ею движет? Но то же надо сказать и об этой другой вещи. И так далее до бесконечности, то есть наш вопрос о причине движения остается без ответа, покамест движение одной вещи мы будем объяснять движением какой-нибудь другой вещи. А вывод такой. Либо в нашем объяснении подвижности вещи мы уходим в бесконечность причин этой подвижности, и тогда она остается необъясненной, непонятной и, попросту говоря, бессмысленной. (Тут, как говорят, возникает дурная бесконечность.) Либо где-то есть такая вещь, которая для своего движения уже не требует никаких других вещей, а движется сама от себя и сама для себя является причиной своего движения.

Здесь Чаликов глубокомысленно заметил:

– А почему же такой самодвижущей вещью не быть самой же этой вещи, движение которой мы объясняем?

– Можно. Но вещь, которая движет сама себя, означает только то, что она есть живая вещь, живое существо. Ведь что мы называем живым существом в отличие от неживой вещи? Именно то, что движет себя само.

– Значит, дескать, все одушевлено? – несколько испуганно заметил Чаликов. <...> что как действительность создает принципы своего конструирования, так и мышление, будучи отражением действительности, тоже само строит для себя принципы своего конструирования. Так ли я вас понимаю?

– О любезнейший мой друг и приятель! – обрадованно воскликнул я. – Да ты же у меня золото, а не собеседник. Только вот я хотел развить нашу мысль о дырочке. Ведь если мы и все мыслительные типы конструирования, на которых базируются наука и техника, тоже припишем только одному человеческому субъекту и откажем в этом самой действительности, то подобного рода действительность, лишенная принципов своего собственного конструирования, окажется уже не просто дырочкой, но дырочкой весьма воинственной, окажется вселенским кладбищем идей, превращенных в трупы» [15, с. 590–591].

Как видим, А.Ф. Лосеву, стремящемуся, как и любимые им неоплатоники, «отобразить живую, а не изнасилованную и мертвую действительность»³³, на протяжении всего творческого пути была «своей» соловьевская метафора из «Трех диалогов», позволяющая ему нагляднее передать диалектику подлинного абсолютного бытия («голубого неба», небесной родины) и того небытия, символом которого становится «дыра» дыромольев, весьма воинственная «дырочка», превращающая мир во «вселенское кладбище идей», в «пустоту материалистов», в порождающую ужасы и кошмары «дурную бесконечность» относительной мифологии.

³³ См.: Лосев А.Ф. История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце» // Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. С. 590.

Список литературы

1. Тахо-Годи Е.А. О литературно-философском осмыслении одного метафорического образа Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2017. № 4(56). С. 26–41.
2. Соловьёв Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 10. СПб.: Просвещение, 1914. С. 81–221.
3. Розанов В.В. Что приснилось философу? // Новое время. 1900. № 8698, 16 мая. С. 2.
4. Письма Д.С. Мережковского к В.В. Розанову (1899–1908) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 234–251.
5. Троицкий В.П. Примечания // Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. С. 504–546.
6. Тахо-Годи Е.А. Традиции «Трёх разговоров» Вл. Соловьёва в прозе А.Ф. Лосева // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 214–220.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. 559 с.
8. Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки»: Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. 263 с.
9. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 616 с.
10. Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 297–320.
11. Лосев А.Ф. История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце» // Лосев А.Ф. Эллинистическо-римская эстетика. М.: Мысль, 2002. С. 573–600.
12. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 613–801.
13. Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое самó. 2-е изд., испр. СПб., 2016. 576 с.
14. Бибахин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 415 с.
15. Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...» Т. 1–2. М.: Время, 2002.
16. Копировский А.М. «По губам меня помажет пустота»: Образ пустоты в изобразительном искусстве и поэзии // Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива. М.: Три квадрата, 2017. С. 426–438.
17. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 61–612.
18. Лосев А.Ф. От Гомера до Прокла: История античной эстетики в кратком изложении. СПб.: Азбука, 2016. 352 с.
19. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М: Академический проект, 2017. 646 с.

References

1. Takho-Godi, E.A. O literaturno-filosofskom osmyslenii odnogo metaforicheskogo obraza Vl. Solov'eva [On literary and philosophical reflection of one of Vl. Solov'ov's metaphorical images], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2017, no. 4(56), pp. 26–41.
2. Solov'ev, Vl. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирной istorii [Three dialogues on war, progress and end of the world history], in Solov'ov, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 10* [Collected works in 10 vol., vol. 10]. Saint Petersburg: Prosveshchenie, 1914, pp. 81–221.
3. Rozanov, V.V. Chto prisnilos' filosofu? [What a philosopher saw in a dream?], in *Novoe vremya*, 1900, no. 8698, 16 may, p. 2.
4. Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k V.V. Rozanovu (1899–1908) [D.S. Merezhkovsky's letters to V.V. Rozanov (1899–1908)], in *Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal*, 1994, no. 5/6, pp. 234–251.
5. Troitskiy, V.P. Primechaniya [Commentary], in Losev, A.F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k Dialektike mifa* [The Dialectics of Myth. A Supplement to «The Dialectics of Myth»]. Moscow: Mysl', 2001, pp. 504–546.
6. Takho-Godi, E.A. Traditsii «Treh razgovorov» Vl. Solov'eva v proze A.F. Loseva [Traditions of Vl. Solov'ov's «Three Dialogues» in A.F. Losev's prose], in *Vladimir Solov'ev i kul'tura*

Serebryanogo veka [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver age]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 214–220.

7. Losev, A.F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa»* [The Dialectics of Myth. A Supplement to «The Dialectics of Myth»]. Moscow: Mysl', 2001. 559 p.

8. Losev, A.F., Loseva, V.M. «*Radost' na veky*»: *Perepiska lagernykh vremen* [«Joy forever»: Correspondence of the labor camp era]. Moscow: Russkiy put', 2005. 263 p.

9. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 616 c.

10. Losev, A.F. Stroenie khudozhestvennogo mirooshchushcheniya [The structure of the artistic worldview], in Losev, A.F. *Forma. Stil'. Vyrazhenie* [Form. Style. Expression]. Moscow: Mysl', 1995, pp. 297–320.

11. Losev, A.F. Istoriya estetiki (fragment). «Neo-platonizm yasnyy kak solntse» [The history of aesthetics (fragment). «Neoplatonism as clear as the sun»], in Losev, A.F. *Ellinisticheski-rimskaya estetika* [Hellenistic-Roman aesthetics]. Moscow: Mysl', 2002, pp. 573–600.

12. Losev, A.F. Filosofiya imeni [Philosophy of Name], in Losev, A.F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Cosmos]. Moscow: Mysl', 1993, pp. 613–801.

13. Losev, A.F. *Veshch' i imya. Samoe samo* [Thing and name. The thing itself]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O. Abyshko, 2016. 576 p.

14. Bibikhin, V.V. *Aleksey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev* [Aleksii Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintzev]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006. 415 p.

15. Losev, A.F. «Ya soslan v XX vek...». T. 1–2 [«I'm exiled to the XX century...». Vol. 1–2]. Moscow: Vremya, 2002.

16. Kopirovskiy, A.M. «Po gubam menya pomazhet pustota»: obraz pustoty v izobrazitel'nom iskusstve i poezii [«What rubs my lips and leaves no trace»: The image of emptiness in the fine arts and poetry], in *Okno iz Evropy: k 80-letiyu Zhorzha Niva* [The window from Europe: On the 80th anniversary of Georges Nivat]. Moscow: Tri kvadrata, 2017, pp. 426–438.

17. Losev, A.F. Antichnyy kosmos i sovremennaya nauka [The Ancient Cosmos and Contemporary Science], in Losev, A.F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Cosmos]. Moscow: Mysl', 1993, pp. 61–612.

18. Losev, A.F. *Ot Gomera do Prokla: Istoriya antichnoy estetiki v kratkom izlozhenii* [From Homer to Proclus: The History of Classical Aesthetics in brief]. Saint Petersburg: Azbuka, 2016. 352 c.

19. Losev, A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2017. 646 p.